

ИВАН МАТВЕЕВИЧ

ЗАЙЦЕВ

А. В. Ганин «СОЛОВКИ» ИВАНА МАТВЕЕВИЧА ЗАЙЦЕВА

Иван Матвеевич Зайцев¹ родился 21 сентября 1877 г. в станице Карагайской 2-го (Верхнеуральского) военного отдела Оренбургского казачьего войска, в семье сельского учителя (вахмистра). По окончании четырехклассного городского училища в уездном Верхнеуральске в 1894 г. 17-летний Иван стал учителем Фоминской соединенной казачьей школы. Уже на следующий год сдал экзамен на вольноопределяющегося второго разряда, а еще через год, 1 сентября 1896 г., был зачислен юнкером в Оренбургское казачье юнкерское училище. В 1898 г. Зайцев окончил училище первым в своем выпуске, за что был удостоен первой премии князя Е. М. Романовского герцога Лейхтенбергского в размере 100 руб. После училища подхорунжий Зайцев должен был отправиться в Варшаву, во 2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк. В этом полку он прослужил более полутора лет и был уволен на льготу в чине хорунжего. Затем Зайцев служил в Отдельном Оренбургском казачьем дивизионе в Гельсингфорсе, командовал сотней и был в 1904 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. В 1906 г. сотник Зайцев поступил в престижную Николаевскую академию Генерального штаба, но окончил академию только по второму разряду и не был причислен к Генеральному штабу. При этом он сдал дополнительные экзамены при академии на право преподавания военной администрации и геодезии в военных училищах. Вернувшись летом 1909 г. в родные края, устроился офицером-воспитателем в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, дослужившись в стенах корпуса к началу Первой мировой войны до чина подполковника. Женился Зайцев еще до войны на дочери купца Александре Семеновне Метневой, детей не имел².

Когда началась Первая мировая война, Зайцев, получив Высочайшее разрешение, был зачислен в 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк, а 4 марта 1916 г. был переведен в 11-й Оренбургский казачий полк. В годы войны служил старшим штаб-

¹ Подробнее об И.М. Зайцеве см.: Ганин А.В. Зайцев Иван Матвеевич // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарев. Челябинск, 2004. Т. 2. Д–И. С. 363; Он же. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32; Он же. Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении // Белая гвардия: альманах. 2005. № 8. С. 193–207.

² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 48357. Послужной список № 843 (1914 г.). Л. 5об.

офицером полка, помощником командира полка по строевой части, временно командующим 7-м Донским казачьим полком, первым помощником командира 11-го Оренбургского казачьего полка и председателем полкового суда в 12-м Оренбургском казачьем полку. Закончил войну полковником, командиром полка, получив за храбрость орден Св. Георгия 4-й ст., Георгиевское оружие, ордена Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом³.

Февральская революция открыла Зайцеву путь в политику. 24 марта 1917 г. он был избран делегатом от Румынского фронта и командирован в Петроград для приветствия Временного правительства. Зайцев неоднократно выступал в защиту казаков в Таврическом дворце и написал обращение «Голос казаков-оренбуржцев», опубликованное в газете «Новое Время»⁴. В обращении говорилось о признании казаками Временного правительства, отмечалась негативная роль организаций, пытавшихся влиять на армию, указывалось, что революционная волна выбросила на поверхность многих недостойных людей и что не следует осуществлять значительного реформирования армии до созыва Учредительного собрания. Этот номер газеты впоследствии был распространен на фронте и в казачьих областях.

22 апреля 1917 г. в Мариинском дворце Зайцев представлял Временному правительству делегацию Румынского фронта и приветствовал членов правительства от имени казаков фронта. На следующий день, на приеме у военного министра А. И. Гучкова, Зайцев как представитель казачества был назначен членом Особого совещания при военном министре по преобразованию армии. От Гучкова Зайцев получил и персональное поручение — принять участие в работе по созыву казачьего съезда. После расформирования совещания Зайцев был оставлен при кабинете военного министра в качестве советника, но пробыл в Петрограде лишь до середины июля, когда получил в командование 4-й Исетско-Ставропольский полк Оренбургского казачьего войска.

Вскоре Зайцев получил назначение командующим русскими войсками в Хиве и комиссаром Временного правительства в Хивинских владениях. Перед ним была поставлена задача усмирить туркменское восстание и осуществить преобразования в Хивинском ханстве. Зайцев сумел в сентябре 1917 г. справиться с отрядами Джунаид-хана, вернувшегося в Хиву из Афганистана, а затем усмирить приаральских туркмен. Зайцева поддержали уральские казаки-староверы,

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 30139. Послужной список № 331–794 (1916 г.). Л. 3.

⁴ Голос казаков-оренбуржцев (Из действующей армии) // Новое время (Петроград). 1917. 17/30 апр. № 14754. С. 5.

жившие по берегам Аральского моря и на реке Амударье. Из них были сформированы конные команды для борьбы с бандитами, и стихийно образовалось Амударьинское казачье войско.

4-й полк стал едва ли не единственной оренбургской казачьей частью, вступившей в начале 1918 г. в борьбу с большевиками. Полковник Зайцев не признал самопровозглашенную власть и 10 января 1918 г. объявил большевикам войну. Бухарское правительство оказало Зайцеву помощь продовольствием. Выступив по требованию туркестанского правительства во главе своего отряда (шестисотенный 4-й Исетско-Ставропольский казачий полк и сотня уральцев) из Хивы на город Чарджуй, Зайцев занял город, арестовал членов местного Совета рабочих и солдатских депутатов и членов ревкома и передал управление городом органу Временного правительства. В Чарджуе полковник встретился с министрами Временного правительства Кокандской автономии М. Чокаевым и У. Ходжаевым для заключения соглашения о совместной борьбе с красными. Оставив в городе гарнизон, Зайцев с казаками двинулся на Самарканд, чтобы далее идти на Ташкент. Известие о наступлении казачьих отрядов испугало руководителей туркестанских большевиков, СНК Туркестанского края отдавал приказания с требованиями остановить Зайцева. На осадном положении была объявлена Среднеазиатская железная дорога. В общей сложности на борьбу с Зайцевым было брошено до 3000 красногвардейцев. Новая власть еще не успела укорениться на местах, а плохо обученные и недисциплинированные отряды красных, несмотря на численное превосходство, не могли противостоять крепким частям старой армии, в результате отряду Зайцева удалось занять Самарканд. Красные были отброшены на 30 километров от города. Тогда они предприняли попытку подкупить казачий комитет отряда Зайцева. В результате отрядный комитет принял решение разоружиться и выдать Зайцева красным в Ташкент.

Зайцев бежал, но через пять дней был обнаружен в Асхабаде и арестован⁵. 8(21) февраля 1918 г. революционный суд приговорил его к расстрелу, однако солдаты пожалели офицера, и расстрел был заменен десятью годами одиночного заключения в Ташкентской крепости. Из крепости Зайцев бежал через четыре с половиной месяца — 1 июля 1918 г. Побег был организован при помощи Туркестанской военной организации (ТВО), у которой, по словам самого Зайцева, «были везде связи и свои люди»⁶. Оказавшись на свободе, Зайцев сразу же вошел в состав этой подпольной офицерской организации в качестве исполняющего обязанности начальника штаба. После побега полковнику Зайцеву

⁵ Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 255.

⁶ И[ван]. Э[айцев]. Из недавно пережитого // Соловецкие острова. 1926. № 4. С. 57.

пришлось почти три месяца скрываться от властей: сначала в Ташкенте, затем в окрестностях города и, наконец, в отдаленных киргизских кочевьях в нижнем течении реки Сырдарья. В целях конспирации приходилось терпеть лишения, прятаться в зарослях камыша, где водились кабаны, жить в кибитке, изображать выполнение съемок местности для постройки парома.

В связи с подготовкой ТВО восстания Зайцеву было поручено руководство вербовкой ферганских басмачей. Уже 30 октября 1918 г. Зайцев в связи с раскрытием Туркестанской военной организации был вынужден покинуть район Ферганы. Несколько суток он скрывался, причем два раза пробирался в сам Ташкент, чтобы найти своих, но никого не нашел, так как члены ТВО либо были арестованы, либо где-то скрывались. Тогда Зайцев принял решение отправиться в города Чимкент и Туркестан, а дальше пробираться к атаману А. И. Дутову, но был арестован.

Зайцеву повезло — вскоре он освободился, а весной 1919 г. под видом рабочего из Туркестана пробрался к себе на родину, в Оренбургское казачье войско⁷. Он имел ценнейшую информацию о ситуации в советском Туркестане, обладал большими связями в этом регионе. По итогам своей работы в 1917—1918 гг. он составил развернутый отчет на 44-х страницах с приложениями. Попав к белым, полковник Зайцев был назначен начальником штаба Оренбургского военного округа, временно исполнял обязанности начальника штаба Походного атамана всех казачьих войск и командующего Оренбургской армией генерал-лейтенанта Дутова. А вскоре принял ответственный пост начальника штаба Оренбургской армии. Приказом Верховного Правительства и Верховного Главнокомандующего адмирала А. В. Колчака 20 сентября 1919 г. он был произведен в генерал-майоры⁸.

При 30-градусном морозе войска, не имевшие зимнего обмундирования, должны были совершать пятисотверстный поход по степи до Каркаралинска, а затем двигаться еще 550 верст до Сергиополя. До сих пор неизвестна точная численность погибших в этом походе, получившем название Голодного. Вместе с армией в этом тяжелейшем походе участвовал и генерал Зайцев. В начале февраля 1920 г. он был отправлен Дутовым в Китай, куда предстояло отходить остаткам армии, во главе чрезвычайной военно-дипломатической миссии и в качестве своего полномочного представителя. Так Зайцев оказался сначала в Пекине, а затем и в Шанхае. По окончании своей миссии Зайцев остался жить в Китае. И тут он пришел к неожиданной идее, за которую в конечном итоге заплатил жизнью. Убедившись в тщетности усилий по организации очагов новой борьбы

⁷ И[ван]. З[айцев]. Из недавно пережитого // Соловецкие острова. 1926. № 4. С. 56.

⁸ Русская армия. 1919. 16 окт. № 223. С. 3.

с советской властью, он решил перейти к новому, фантастическому методу борьбы — получить советское гражданство и продолжить борьбу уже в качестве законопослушного гражданина СССР. Зайцев подал прошение о получении советского гражданства, которое было удовлетворено, и по постановлению ЦИК СССР он стал полноправным советским подданным. Перед отъездом в СССР генерал написал «покаянное письмо», «где говорил о своем демократическом происхождении и честил эмиграцию»⁹.

На самом деле, как писал Зайцев уже после возвращения из СССР, обострение советско-британских отношений было для него лишь удобным предлогом, чтобы вернуться и получить амнистию. К стремлению Зайцева на родину сочувственно отнеслись советский полномочный представитель в Пекине Л. М. Карахан и заведующий консульской частью советского представительства А. А. Ригин, считавшие возвращение генерала хорошим примером для других. Поступок Зайцева был осужден в эмиграции.

В Москву генерал отправился в мае 1924 г., в распоряжение Л. Д. Троцкого. Приезд Зайцева заинтересовал руководство органов госбезопасности и лично Ф. Э. Дзержинского. По прибытии Зайцев был зачислен в резерв высшего командного состава РККА. Обсуждался вопрос о его назначении начальником штаба инспектора кавалерии РККА или преподавателем восточного отдела Военной академии.

Но затем последовало охлаждение. В Москве узнали о его переговорах в Пекине с представителями иностранного дипломатического корпуса по вопросу организации новых повстанческих отрядов на территории СССР и о средствах для этой деятельности, хранившихся в Гонконг-Шанхайском банке. Зайцев был вызван в ОГПУ, где его попросили написать и отправить на Дальний Восток открытое письмо эмигрантам. В конце сентября 1924 г. он был уволен в бессрочный отпуск, а уже 25 октября арестован ОГПУ. Сидел на Лубянке и в Бутырской тюрьме. Следователи интересовались, встречался ли он с Троцким, чем занимался во время Гражданской войны. В Бутырской тюрьме Зайцев просидел с 25 ноября 1924 по 9 января 1925 г.

Затем в жизни Зайцева был Соловецкий лагерь, куда он попал в июне 1925 г. Свое трехлетнее пребывание в лагере он довольно подробно и красочно описал в книге «Соловки». Он писал: «За время пребывания на Соловках я сам лично много пережил; много, очень много перестрадал, так как был подвергаем наказаниям, установленным на Соловках для скрытого физического уничтожения заключенных; много видел, слышал и наблюдал. Ныне я намерен предать все

⁹ Армия и флот (Шанхай). 1934. Т. 42. № 8 (1191). С. 65–66.

гласности на общественный суд культурных народов. Этим самым я приобрету лично для себя нравственное удовлетворение, что я выполню страстное желание моих прежних коллег-арестантов»¹⁰.

Соловецкий лагерь показался Зайцеву своего рода моделью СССР: поражало сходство административного и хозяйственного устройства тюрьмы и государственной системы в целом. Отличие было лишь в конкретных названиях должностей, и в том, что на воле использовался полупринудительный труд. Уже тогда Зайцев сделал для себя вывод: «Каждый активный чекист есть озверевший человек, утративший в моральном смысле, образ и подобие человека»¹¹. Советских вождей он называл не иначе как международными уголовными преступниками¹².

Зайцеву и его спутникам — архиепископу Ювеналию, епископу Воронежскому Глебу и епископу Мануилу — пришлось возить в тачках песок для посыпки дорог. Вскоре Зайцев был назначен лесокulturным надзирателем и занимался работами по очистке лесов. За отказ написать, по просьбе начальника лагеря Ф. И. Эйхманса, что-либо по истории Гражданской войны в журнал «Соловецкие острова» (отрывки из воспоминаний Зайцева все же были опубликованы в журнале в 1926 г.) был отправлен на общие работы, а затем на лесозаготовки. Приходилось вставать в пять утра по звуку гудка (зимой — в шесть утра) и идти работать.

Летом 1926 г. Зайцев вновь устроился в лесничество, но за непотушенный костер он был отправлен на Секирную гору — разбирать туалет. Секирная гора или «Секирка», как ее называли заключенные, была тем местом на Соловках, после пребывания в котором выживали немногие. Это был совершенно не отапливаемый штраф-изолятор, устроенный внутри православного храма с ледяным бетонным полом. Для усиления эффекта заключенным оставляли из одежды одно лишь нижнее белье. Из еды давали фунт (около 400 граммов) черного хлеба в сутки. В наиболее суровых условиях верхнего изолятора генерал-майор И. М. Зайцев просидел с 20 сентября по 10 декабря 1926 г. и выжил.

Пройдя семь кругов ада, Зайцев, опытный конспиратор и подпольщик, 3 августа 1928 г. совершил побег с пересылочного пункта города Усть-Сысольск, за два дня до отхода парохода, который должен был отвезти его на поселение на побережье Северного Ледовитого океана. Побег Зайцева не являлся единственным случаем бегства, в 1920-е гг. из СССР бежали и другие заключенные

¹⁰ Зайцев И.М. Соловки (коммунистическая каторга или место пыток и смерти): из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. В 2 ч. Шанхай, 1931.

¹¹ Там же

¹² Его же. Четыре года в стране смерти. Шанхай, 1936. С. 53.

Соловецкого лагеря. Поразительно то, что Зайцев сумел перебраться через всю страну и обосновался на Дальнем Востоке с явным намерением вернуться к своим. 17 сентября 1928 г. он устроился на службу в земельное управление Амурского округа, а 26 февраля 1929 г. со станции Поярково перешел в Китай.

Русская эмиграция возвращение Зайцева восприняла настороженно. Большинство было уверено, что он стал агентом советской разведки. Ведь из СССР белогвардейцы просто так не возвращались. Чтобы развеять всякие криво-толки относительно своего появления за границей, Зайцев обратился в редакцию газеты «North China Daily News» с просьбой напечатать небольшую заметку о его пребывании в СССР и обстоятельствах бегства. После этого статьи и заметки о генерале Зайцеве опубликовали русские газеты «Слово» и «Шанхайская заря», причем газета «Слово» предостерегла эмиграцию от контактов с генералом.

Зайцев сложившуюся вокруг себя обстановку воспринял крайне болезненно. 9 августа 1929 г. он писал в редакцию «Шанхайской зари»: «Какой кошмарный ужас для меня! После четырех лет моих мучений и страданий в тюрьмах, на Соловках и в ссылке; после рискованных скитаний в течение семи месяцев после побега, я горел желанием посвятить всю свою жизнь на борьбу с тиранами русского народа; жаждал найти себе смерть в открытом бою с этими отъявленными мерзавцами, от которых я так много перенес глумлений и издевательств. И, вдруг, мой порыв встретил такую оценку здесь, за границей, куда я попал по причине честного характера; злая, коварная судьба выбросила меня сюда на новые страдания...»¹³

Тем не менее, Зайцев не опускал руки, он подготовил и отправил в Европу великому князю Кириллу Владимировичу, а также генералам А. П. Кутепову и А. П. Богаевскому доклады о положении в СССР, а митрополиту Антонию (Храповицкому) — доклад о положении церкви в СССР. Чтобы окончательно рассеять подозрения, Зайцев связался с начальником отдела Русского Общевоинского Союза в Шанхае генералом М. К. Дитерихсом и 15 июня 1930 г. подал на его имя рапорт, приложив к нему документы об истинных целях поездки в СССР. Генерал рассчитывал, что Дитерихс назначит суд чести по его делу из георгиевских кавалеров. Однако Дитерихс вскоре сообщил, что документы Зайцева пропали. После этого случая Зайцев больше не предпринимал подобных попыток своей реабилитации. И доверие эмиграции к нему так и не установилось. Более того, 12 ноября 1933 г. станичный сход шанхайской станицы его родного Оренбургского казачьего войска вынес порицание его деятельности и запретил своим членам работать с Зайцевым.

¹³ Краткая биография ген[ерал]-майора Зайцева // Зайцев И.М. Четыре года... Страница не нумерована.

Вернувшись в Китай, Зайцев активно, видимо, в целях самореабилитации, занялся публицистической деятельностью, всячески разоблачая в своих работах преступления большевиков. В мае 1931 г. вышла его первая книга «Соловки», посвященная Международной антикоммунистической лиге. Вот как охарактеризовал эту работу соловчанин М. М. Розанов: «Книга, по-моему, наиболее ценна, т.к. Зайцев довольно подробно, часто с острыми деталями, описывает терзания тех лет, особенно для духовенства... Мне кажется, что его книга, хотя и страдающая чрезмерным патетизмом изложения, все же достойна была большего признания эмиграцией, чем то, которое она ему уделила»¹⁴. Свой труд, в чем-то похожий на «Россию в концлагере» И. Л. Солоневича и «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, Зайцев с особым письмом разослал главам правительств ведущих государств мира, главам православных и иных христианских церквей, всем представителям государств в Лиге Наций, Папе Римскому и председателю Лиги прав человека.

Одна за другой выходили его статьи в периодической печати. Он писал об идеологии казачества, о его роли в 1917 г., о состоянии Красной армии и т.д.¹⁵ Многие в этих статьях могло насторожить эмиграцию: и высокая оценка Красной армии, и сравнение воспитания пионеров и комсомольцев с воспитанием казачьей молодежи, и критика карьеристов в Белом движении¹⁶. Эти публикации вызывали отторжение и привели к изоляции Зайцева. Так, после отказа военно-научного журнала «Армия и флот» опубликовать статью Зайцева, осуждавшую атамана Дутова, генерал прекратил сотрудничество с этим изданием. Виноват был в этом и сам Зайцев, который, по мнению полковника Н. В. Колесникова, «всегда говорил только сам и редко слушал. Было видно, что он сам знает, куда идти и что делать, а что думают другие — его не интересовало. Его стратегические доводы всегда уходили в область авантюры»¹⁷. По распоряжению руководящего центра Российской Всенародной Партии Националистов (Росснационалистов) Зайцев был назначен начальником Дальневосточного отдела партии со штаб-квартирой в Шанхае. Партия являлась политико-религиозной организацией, ориентированной на Японию¹⁸. Росснационалисты выступали против фашизма, нетерпимого по отношению к другим народам.

¹⁴ Розанов М.М. Соловецкий концлагерь в монастыре. США, 1979. Кн. 1. С. 15.

¹⁵ См., напр.: Зайцев И.М. Современная казачья идеология // Армия и флот (Шанхай). 1932. Т. 35. № 7 (1168). С. 51–58; Его же. Почему казачество безмолвствовало в 1917 году? // Армия и флот (Шанхай). 1932. Т. 35. № 8 (1169). С. 25–32 и др.

¹⁶ Зайцев И.М. Современная казачья идеология. С. 55, 57.

¹⁷ Армия и флот (Шанхай). 1934. Т. 42. № 8 (1191). С. 66.

¹⁸ Декларация Дальневосточного отдела Российской всенародной партии националистов (росснационалистов). Тяньцзинь, 1934. Ч. 4. Подготовительная. С. 4, 6.

Годы борьбы подорвали здоровье генерала, и 22 ноября 1934 г. в возрасте 56 лет он покончил с собой. Тело повесившегося генерала обнаружила хозяйка квартиры. Возле тела был найден пакет властям французской концессии и «Предсмертное заветное» Зайцева: «Отходя в загробный Мир, я заклинаю всех тех, кто, преследуя материальные выгоды, будут оказывать содействие в продлении тирании коммунистов, как повадных преследователей веры в Единого Истинного Бога, что проклятия из загробного Мира будут посылаемы на головы большевистских доброжелателей <выделено мною. — А. Г.>. «Аминь». Добровольно оставляющий земное бытие И. М. Зайцев»¹⁹. Шанхайская газета «Слово» в некрологе, опубликованном 24 ноября 1934 г., отметила, что Зайцев покончил с собой «в припадке душевного расстройства»²⁰. Зайцев был похоронен на новом Зикавейском кладбище Шанхая.

После самоубийства генерала с его бумагами ознакомился епископ Китайский и Пекинский Виктор (Святин), в прошлом офицер Оренбургской армии, а в 1934 г. — начальник Российской Духовной миссии в Пекине²¹, в архиве которой хранились документы генерала. 17 декабря 1934 г. в шанхайских газетах было опубликовано его письмо: «Ознакомившись детально с посмертными письмами и материалами покойного генерал-майора И.М. Зайцева, я вижу, что покойный был высоко религиозный человек и исключительной стойкости патриот, поставивший целью своей жизни действительную борьбу с поработителями нашей Родины — коммунистами. Ради этой цели покойный рискнул выехать в СССР, где ему не удалось осуществить свои намерения. После тяжелых испытаний ему посчастливилось вернуться снова в эмиграцию, где, невзирая на все трудности материального и морального характера, покойный не прекращал этой борьбы и, уходя от нас, завещал продолжать ее нам. Все толки о его причастности к лагерю большевиков являются вымыслом злонамеренных людей и его злейших политических врагов — безбожников коммунистов»²².

После смерти генерала Росснационалисты издали его книгу «Четыре года в стране смерти». Еще при жизни Зайцев планировал издать четырехтомную автобиографию под общим названием «Из недавно пережитого». Тома предполагались следующие: Т. 1. От Мартовской революции до Октябрьского переворота; Т. 2. От Октябрьского переворота до падения Сибирского фронта; Т. 3. От эвакуации за границу до возвращения в Советский Союз; Т. 4. Четыре года в коммунистическом аду. Выход книг анонсировался читателям, но жизнь

¹⁹ Краткая биография ген[ерал]-майора Зайцева.

²⁰ Слово (Шанхай). 1934. № 2035 // ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 103 об.

²¹ Поздняев Д. Православие в Китае (1900–1997 гг.). М., 1998. С. 68–69.

²² Краткая биография ген[ерал]-майора Зайцева.

Зайцева оборвалась до того, как эта идея получила свое воплощение. Из всего проекта полностью был издан лишь четвертый том (в Китае), а также опубликовано несколько глав (главы 12–15) второго тома (в СССР).

Личность генерал-майора Зайцева противоречива, и однозначная характеристика к ней не применима. Это был хорошо образованный для своего времени человек, выпускник академии Генерального штаба, яркий и перспективный офицер, герой Первой мировой войны. Другая сторона его личности открылась в переломное время — в годы революции и Гражданской войны. В этот период Зайцев проявил себя как видный деятель антибольшевистского подполья в Туркестане, решительный человек, не боявшийся рисковать. Зайцев стал начальником штаба армии, приближенным самого атамана Дутова. Современники отзывались о Зайцеве как о человеке «несомненно, умном, развитом, широко начитанном, чрезвычайно самоуверенном, решительном, храбром, без меры честолюбивом и себялюбивом и до некоторой части политическом фантазере, но волевом солдате»²³. Отъезд в СССР был воспринят соратниками по борьбе как предательство. Не меньше поразило их и возвращение Зайцева назад в Китай, спустя примерно пять лет. Это казалось либо чудом, либо провокацией советской разведки. Однако ряд фактов свидетельствует о том, что генерал до конца своих дней был фанатичным приверженцем белой идеи.

²³ Армия и флот (Шанхай). 1934. Октябрь-декабрь. Т. 42. № 8 (1191). С. 66.